## ЭССЕ

**Корконосенко Сергей Григорьевич**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: s.korkonosenko@spbu.ru

# ПРИНЦИПЫ В НАСЛЕДСТВО. 10 ОКТЯБРЯ 2016 г. 100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА А.Ф. БЕРЕЖНОГО

*Статья посвящена памяти первого декана факультета журналистики Ленинградского – Санкт-Петербургского университета. Автор выявляет актуальность идей и принципов организации журналистского образования, которые предлагал профессор А. Ф. Бережной. Современное поколение преподавателей объективно является продолжателем дела, начатого их предшественниками много десятилетий назад.*

***Ключевые слова:*** *журналистское образование, университет, преемственность.*

**Sergey G. Korkonosenko**, Political Sc. doctor, Professor, Chair of Department of Theory of Journalism and Mass Communications, St Petersburg State University; e-mail: s.korkonosenko@spbu.ru

# PRINCIPLES FOR FOLLOWERS. 2016, 10 OCT – 100TH ANNIVERSARY OF PROFESSOR ALEXANDER F. BEREZHNOY

*The article is dedicated to the memory of the first Dean of the Journalism Faculty of the Leningrad–St Petersburg University. The author reveals the relevance of the ideas and principles of the organization of journalism education, offered by Professor A. Berezhnoy. Objectively, the today's generation of teachers is the successor of the business which has been begun by their predecessors many decades ago.*

***Key words:*** *journalistic education, University, continuity.*

### Справка

Александр Феодосеевич Бережной (1916–2005) – доктор филологических наук, профессор. Участник Великой Отечественной войны, награжден боевыми орденами и медалями. В 1946 г. поступил на отделение журналистики филологического факультета Ленинградского государственного университета. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1966 г. – первую в России докторскую диссертацию по специальности «Журналистика». Заведовал отделением журналистики, более тридцати лет возглавлял кафедру теории и практики партийно-советской журналистики

(позднее – советской журналистики). Работал редактором газеты «Ленинградский университет», секретарем партийного комитета университета. В 1961 г., с созданием факультета журналистики, был избран его деканом и занимал этот пост в течение пятнадцати лет. Автор многочисленных научных и учебных изданий, неоднократный лауреат премий за научные труды и педагогическую деятельность, награжден орденом «Знак Почета», Почетный профессор СПбГУ. До последних дней работал в качестве профессора кафедры истории журналистики.

В последние годы меня все больше беспокоит мысль о том, как сегодняшнее журналистское образование в СПбГУ соотносится с теми замыслами и мечтаниями, которые владели его зачинателями. Много десятилетий тому назад – мы ведь только что отметили 70-летие создания отделения журналистики в своем Университете. По паспорту я и мои сверстники из числа преподавателей стали старше своих учителей студенческой и аспирантской поры. Но по отношению к построенному ими факультету мы остаемся наследниками и преемниками, даже если забываем об этом в суете текущих дней. Несомненно, первым в этом ряду предшественников стоит Александр Феодосеевич Бережной. У него, ставшего студентом отделения сразу по возвращении с фронта, тоже было предыдущее поколение и было от кого наследовать. Но энергичное развитие отделения и перерастание в факультет происходили под его руководством, как и первые пятнадцать лет жизни молодого факультета. Петербургские журналисты – однокашники Бережного по университету, писали, что «именно по его инициативе создавались научные и учебные направления, при нем марка выпускника факультета стала высоко цениться в редакциях газет, в студиях радио и телевидения»[1].

Мне уже приходилось писать об этом... опять-таки пятнадцать лет назад (удивительным образом иногда находят друг друга числа; вот ведь и круглые даты журфака и его декана случаются в одни и те же годы). Тогда к юбилею Бережного вышел специальный номер учебной газеты; моя публикация в нем[2] была построена как перекличка через годы со статьей декана «О некоторых итогах и проблемах развития журналистского образования и журналистской науки в университетах нашей страны», написанной к 25-летию отделения журналистики в ЛГУ (Бережной, 1971). Подобные опыты возвращения в прошлое для оценки настоящего мы пытались проделать не раз. Однажды даже посвятили заседание профессорского собрания института теме «Хранители традиций, идущие вперед». Сказать по правде, чаще получались вечера воспоминаний под девизом «Когда мы были молодыми». Вот почему мне кажется полезным

еще раз обратиться к давней программной статье Бережного и другим его материалам, а заодно и к своей публикации.

Как много резких изменений произошло с того 2001 г.! Прежде всего, к сожалению, совсем не такой сегодня повод: тогда юбиляр был жив, на равных трудился рядом с нами и, между прочим, плохо переносил адресованные ему здравицы и патетические речи. Но и общий фон для размышлений тоже преобразился, по отдельным признакам – принципиально. Не будем касаться ситуации в стране и мире, оценим перемены на своей производственной площадке. Прежний факультет превратился в институт, состоящий из двух структурных подразделений; ушла в историю пятилетняя подготовка специалистов, зато развилась магистратура, да еще и аспирантура стала одним из уровней высшего образования; преподаватели ныне именуются научно-педагогическими работниками и подтверждают свою квалификацию статьями в международных базах данных Scopus и Web of Knowledge, о которых не было речи не только сорок, но и десять лет назад; в коридорах бывшего журфака сменилось поколение сотрудников, многие из которых специализируются в далеких от журналистики сферах и уже по этой причине не готовы считать себя наследниками поколения Бережного... Я молчу уже о нескольких революциях в техническом оснащении и организации производственной жизни.

Итак, сборник статей, о котором идет речь, увидел свет сорок пять лет назад, когда был молод факультет, напорист, широкоплеч и черноволос был его декан, хотя мне тогда казалось, что ему, как патриарху, ведомы все великие тайны истории и теории печати. Другими ли, однако, стали «тайны»? Или мы обречены вечно заново, с азартом неофитов открывать для себя больные вопросы, на которые уже были даны принципиальные ответы? Мы перелистаем статью декана, чтобы понять, какие «итоги и проблемы» заложены в генотип факультета и какие тревоги о судьбе своего детища ощущал тогда декан.

Первое чувство – печальное. Страницы пестрят именами славных людей, без которых когда-то немыслимой казалась жизнь в стенах журфака. Лица, лица – зачинатели, последователи, незаурядные выпускники, верные друзья, от академиков до лаборантов – вот основное богатство и гордость факультета. Не хочу перечислять, список получился бы длинный. Но не могу не сказать, что, по моим наблюдениям, представителей старшего поколения роднило отношение к факультету как к общему дому, который они вместе построили и в котором не было приживалок, лишенных права и обязанности содер-

жать его в порядке и благополучии. Такую психологию непременного личного участия утверждал и культивировал глава «семейства».

Так какой же и для чего они строили общий дом? Прежде всего, судя по тексту статьи, под ним лежит мощный, многослойный фундамент. Традиции отечественной публицистики и размышлений о ее будущности, берущие начало в творчестве Пушкина, Герцена, Куприна, и одновременно кровная связь именно с Петербургским–Петроградским университетом Чернышевского, Писарева, Некрасова, Ленина и других теоретиков прессы образуют как бы основные опоры для здания журналистского образования. Сегодня мы оправданно расширили список авторитетов, включив в него тех деятелей науки и журналистики, которые в советские годы не отвечали идеологическим приоритетам эпохи. Это сделал и сам Александр Феодосеевич, в 1990-х занявшийся слабо изученными фигурами и изданиями (Бережной, 1999). Университетской глубиной, основательностью, живым интересом к исканиям предшественников отмечены труды историков русской журналистики и критики в 1920–1940-е гг., созданные до образования отделения журналистики. Эти качества на десятилетия стали, по-нынешнему говоря, элементами фирменного стиля факультета в «бережновскую» пору.

С другой стороны, непрерывный рост и модернизация структуры, технической базы, кадрового состава – и все для того, чтобы как можно теснее приблизиться к нуждам текущей редакционной практики. Конечно, масштабы приобретений трудно сравнивать с нынешними материальными вложениями в компьютерные классы, но для своего времени каждое из них было вехой на пути к подготовке классного профессионала: кабинеты машинописи, радио и телевидения, типолаборатория, библиотека и читальный зал... И высокая академическая наука, и никогда не пустовавшая фотолаборатория, угнездившаяся в темном полуподвале филфаковского двора, на равных участвовали в формировании думающего и умеющего специалиста.

Что еще беспокоило декана? То, что многие ученые «смотрели на подготовку журналистов как на дело, по самой своей природе чуждое университету». Соответственно преподавание социально-экономических и историко-филологических дисциплин велось без учета специфики нашего факультета, его устремленности прежде всего к практической работе в редакциях. В свою очередь некоторые журналисты, наоборот, ратовали за переход преимущественно к вечерней и заочной формам обучения, вместо «теоретической» дневной. Мы и сегодня не гарантированы от новых волн малокомптентного

критиканства и сомнительных новаций. Не раз еще будут рождаться проекты всяческих радикальных реформ, «как на Западе» или, скажем, «как требует политическая ситуация».

Бережной оставил бесценную книгу воспоминаний о становлении отделения и факультета, которую мы тоже не раз процитируем. В начале 60-х гг. в прессе развернулась острая дискуссия о содержании и качестве подготовки сотрудников редакций. Журналисты различных изданий обрушились на университеты, видя главных врагов образования в преподавателях и призывая: «Практика... вот что нужно, как воздух» (Бережной, 2003: 70). Подобное мы слышали и в начале 2000-х, и в другие времена, слышим и сейчас. Нам надо помнить о том, что ничего путного из конъюнктурных ломок не выходило, имена их инициаторов остались разве что в мемуарах декана, а факультет шел вперед, тщательно продумывая верные пути.

Нам надо помнить и о том, как самоотверженно А.Ф. Бережной и его товарищи сражались против бездумных реорганизаций. Когда возникла угроза ликвидации отделения, «мы... направились прямо в сектор печати ЦК КПСС... Для работников сектора печати поспешная инициатива Министерства оказалась совершенно неожиданной... и вопрос был снят»; по поводу еще одной непродуманной министерской новации «от имени нашего... отделения за подписями заведующих кафедрами и общественных организаций... было направлено письмо-протест в отдел печати ЦК КПСС» и т.п. (Бережной, 2003: 37, 66). В 1965 г. статья Бережного «Что мешает университетскому журналистскому образованию» закрывала подборку дискуссионных материалов под рубрикой «Путь в журналистику» в журнале «Советская печать»; автор предлагал развернутую программу совершенствования подготовки кадров на фундаментальной университетской базе. Фактически это была декларация принципов, на которых он стремился строить факультетский дом. Давайте признаемся, что и в наши дни время от времени возникает необходимость защищать подлинные академические ценности от скороспелого реформаторства.

Автор статьи с беспокойством воспринимал и рост журналистского образования «вширь». «Чему надо отдавать предпочтение – мелким или крупным учебным единицам (факультетам)?» – задавался он вопросом. Журналистика, по его убеждению, именно та область деятельности, формирование кадров для которой целесообразно вести в самых крупных административных, промышленных и культурных центрах (Бережной, 1971: 30). Сегодня, когда по

стране плодятся карликовые школы журналистики, былые предупреждения звучат особенно актуально. Давным давно было ясно, что без традиций, сильного штата лекторов и собственного методического обеспечения такие школки способны только понижать уровень нашей прессы, и без того ныне заметно упавший.

Первый выпуск отделения журналистики составил всего 23 человека, а в конце 70-х гг. он только по дневной форме достигал полутора сотен человек. В это число входили, в частности, десятки так называемых целевиков, присланных из республик и областей страны и сейчас занимающих ведущие позиции в своих региональных СМИ. Наследникам авторитета Ленинградского–Петербургского университета судьба велела противостоять провинциализации образования и добиваться расширения притока студентов из других регионов. По счастью, за последние годы удалось переломить недобрую тенденцию начала 2000-х, когда аудитории заполняли почти исключительно выпускники (выпускницы) петербургских школ. Сейчас в СПбГУ на бакалавриате иногородние студенты-журналисты составляют более половины общего количества, а на магистратуре – две трети.

На нас же лежит и почетный долг издавать учебную литературу. «Проблема совершенствования учебного процесса... и с точки зрения его содержания (учебного плана), и с точки зрения повышения его методического уровня, обеспеченности учебными пособиями и методическими разработками сейчас, может быть, самая острая и сложная». Не про 2016 ли год это сказано? Правда, сорок пять лет назад имелось в виду почти полное отсутствие книг по профессиональным дисциплинам, а сегодня институтская издательская служба безостановочно выдает один тираж учебных книжек за другим. Но думаю, что Александр Феодосеевич свой старый тезис не стал бы снимать с обсуждения, а уточнил бы задачу: хватит удовлетворяться оперативной полиграфией для внутреннего пользования, пора создавать классические учебники для всей России. В свое время гигантская страна училась по его учебным пособиям, выпущенным крупнейшими центральными издательствами. Уверен, у него были бы основания порадоваться: по моим подсчетам, с 2000 г. преподаватели Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций выпустили более десятка учебников с грифом Минобрнауки и всероссийского УМО, не говоря уже о других изданиях, которые и в самом деле завоевали всероссийское признание. Надо идти дальше, завоевывая международное признание, и это – одна из генеральных линий нашего движения вперед.

Конечно, автор не мог обойтись без размышлений о том, на каком научном основании будет развиваться преподавание, педагогика журналистики. Признавая успехи в «научном возмужании» преподавательского корпуса, он здесь же говорил об опасности самоуспокоенности и о тревожных симптомах «в столь бурно развивающейся журналистской науке». В истории печати остаются огромные белые пятна, она страдает эмпиризмом и описательностью... Кстати сказать, когда читаешь эти строки, начинаешь понимать, как много за последние годы преуспели наши историки, сумевшие хотя бы частично закрыть самые очевидные из таких пробелов. И сам профессор Бережной с неиссякаемым трудолюбием до последнего дня публиковал исследования по не изученным пока периодам, темам, персоналиям. Свою последнюю книгу он выпустил за год до кончины (Бережной, 2004). Необычайно расширился и спектр теоретических исследований.

Первый декан со товарищи строили общий дом для торжества честного служения журналистскому долгу, разуму и культуре, в их университетском понимании. Каждый из нас сегодня по-своему оценивает то социальное время, на которое пришлась молодость факультета. Но при неизбежных различиях во взглядах нам объективно суждено оставаться наследниками дела, которое так крупно и вдохновенно начинало поколение Александра Феодосеевича. И живем мы приблизительно в том же круге проблем, разве что контекст, форма их постановки и акценты меняются под влиянием череды лет. Думаю, что сказанное относится не только к Ленинградскому–Петербургскому журфаку, но и к другим российским университетам, пережившим смену поколений. Бережной не отделял себя и свой факультет от всесоюзного тогда сообщества преподавателей. Напротив, добивался его сплочения и согласия в борьбе за общие интересы, сотрудничал да и просто крепко дружил с профессорами-сверстниками из Москвы, Киева, Свердловска, Ташкента и многих других городов. Тоже, надо сказать, традиция, достойная продолжения. В журналистском образовании, как и в жизни в целом, история не повторяется, она продолжается.

**Примечания**

---

[1] *Гребенщиков А., Федорова З.* Верность убеждениям // С.-Петерб. ведомости. 1996. Окт., 9.

[2] *Корконосенко С. Г.* Для кого построен дом. Перечитывая статью из старого сборника // Дважды два. 2001. № 12(93).

## Библиография

*Бережной А.Ф.* О некоторых итогах и проблемах развития журналистского образования и журналистской науки в университетах нашей страны // Журналистика: наука, образование, практика / отв. ред. *В.А. Алексеев, Е.М. Юпашевская*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. С. 3–40.

*Бережной А.Ф.* Отделение-факультет журналистики Ленинградского государственного университета в 1946–1985 гг. Испр. и доп. изд. СПб: ЛОП ф-та журналистики СПбГУ, 2003.

*Бережной А.Ф.* По страницам неисследованных изданий русской периодики (из истории русского зарубежья). СПб: ЛОП ф-та журналистики СПбГУ, 1999.

*Бережной А.Ф.* Сатирическая журналистика: учебно-метод. пособие. СПб: ЛОП ф-та журналистики СПбГУ, 2004.

## Notes

Grebenshchikov A., Fedorova Z. (1996) Vernost‘ ubezhdeniyam [Loyalty to Beliefs]. *S.-Peterb. vedomosti*. Okt., 9.

Korkonosenko S. G. (2001) Dlya kogo postroen dom. Perechityvaya stat‘yu iz starogo sbornika [For Whom the House is Built. Reading the Article from the Old Collection]. *Dvazhdy dva* 12(93).

## References

Berezhnoy A. F. (1971) O nekotorykh itogakh i problemakh razvitiya zhurnalistskogo obrazovaniya i zhurnalistskoy nauki v universitetakh nashey strany [On Some Results and Problems of Journalism Education and Journalism Science in Russian Universities]. In V. A. Alekseev, E. M. Yupashevskaya (eds.) *Zhurnalistika: nauka, obrazovanie, praktika* [Journalism: Science, Education, Practice]. Leningrad: Leningr. Univ. Publ. Pp. 3–40.

Berezhnoy A. F. (2003) *Otdelenie-fakul‘tet zhurnalistiki Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta v 1946–1985 gg. Ispr. i dop. izd.* [Department-Faculty of Journalism, Leningrad State University in 1946–1985]. St Petersburg.

Berezhnoy A. F. (1999) *Po stranitsam neissledovannykh izdaniy russkoy periodiki (iz istorii russkogo zarubezh‘ya)* [Unexamined Russian Periodical Publications (from Russian Diaspora History)]. St Petersburg.

Berezhnoy A. F. (2004) *Satiricheskaya zhurnalistika: uchebno-metod. posobie* [Satirical Journalism]. St Petersburg.



Поступила в редакцию
31.08.2016

## МОЯ КНИЖНАЯ ПОЛКА

**Засурский Ясен Николаевич**, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории зарубежной журналистики и литературы, президент факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова

### ГЕНРИ КИССИНДЖЕР О МИРОВОМ ПОРЯДКЕ*

В современном мире происходят серьезные перемены: глобализация и новые технологии позволяют охватить взглядом гигантские перемены, в частности в сфере коммуникационной культуры. Здесь многое зависит от понимания современного исторического процесса.

Американский дипломат, историк и политик Генри Киссинджер, лауреат Нобелевской премии мира 1973 г., издал книгу под названием «Мировой порядок». В ней он ставит перед собой задачу увидеть перемены, происходящие в новом политическом и культурном пространстве. Киссинджер рассматривает империи, опираясь на довольно разнообразные географические, культурные и этические основания. Он начинает с того, что никогда не было настоящего «мирового порядка». Цивилизации в истории определяли свои собственные концепции порядка. Каждая считала себя центром мира и преподносила свои особые принципы миру как универсально применимые. И начинает он с Китая, который представлял глобальную культурную иерархию.

Далее Киссинджер переходит к Европе, следуя хронологическим рамкам. Рим представлял себя как центр, окруженный варварами. Рим распался. Европейские народы пришли к концепции эквилибриума суверенных государств и стали экспортировать ее по всему миру. Затем Киссинджер переходит к исламу и говорит, что в ранние века ислам считал себя единственным легитимным политическим центром, которому суждено завоевать мир, и расширяться до тех пор, пока мир не будет приведен к гармонии с помощью религиозных принципов.

Переходя в этом кратком экскурсе от Китая к Риму и к исламу, он останавливается на примере Соединенных Штатов, которые для него составляют самую важную часть мирового порядка.

США родились из убеждения об универсальном применении демократии, убеждении, которое и руководило их политикой с са-

* *Henry Kissinger.* World Order. New York: Penguin Press, 2014.

мого начала. Сегодня, утверждает Киссинджер, международный порядок базируется на глобальной основе. И эти исторические концепции мирового порядка функционируют до сих пор и поразному реализуются.

Самый малый регион принимает участие в вопросах высокой политики каждого центра. Политический процесс часто импульсивен, но так и нет консенсуса среди главных его игроков относительно правил и границ, которыми руководствуется этот процесс или куда ведет его конечная цель. Результат этого – возрастающая напряженность. И здесь Киссинджер переходит к характеристике основных особенностей мирового порядка, останавливаясь на более современных, чем Рим, примерах. Он стремится к тому, чтобы его концепция мирового порядка была основана на международной гармонии и ее глобальном порядке.

Опираясь на свой опыт в современной эпохе, когда он изучал и формировал международную политику США, и на события последних десятилетий, Киссинджер приходит к тому, что его анализ самых главных вызовов XXI в. – это построение взаимоприемлемого международного порядка в мире различных исторических перспектив, тяжелых конфликтов, развивающихся технологий, в условиях идеологического экстремизма. Киссинджер заключает, что, по сути, никогда настоящего мирового порядка не удавалось добиться.

Китай создал культурную иерархию во главе с императором, Рим был в окружении варваров, и когда он распался, европейские народы создали концепцию эквилибриума суверенных государств, которые стремились экспортировать свою концепцию по всему миру. Задолго до появления на мировой арене Соединенных Штатов так же действовал и ислам, а Соединенные Штаты были рождены с убеждением об универсальности демократии, которая до сих пор руководит их политикой, по мнению Киссинджера.

Сегодня международные отношения строятся на глобальном базисе, и эти исторические концепции мирового порядка сталкиваются. Каждый регион участвует в решении вопросов высокой политики, часто импульсивно, но и сегодня нет консенсуса среди основных игроков относительно правил и границ, которые управляют этим процессом. Это способствует росту напряженности. Каковы же некоторые особенности книги Киссинджера?

Основывая эту книгу на своем опыте советника по национальной безопасности и госсекретаря США, Киссинджер ведет читателей, как он считает, через самые важные эпизоды современной

истории и предлагает уникальный взгляд на внутренний мир многих движений. Особенно в связи с этим он обращает внимание на проблему, связанную с окончанием Вьетнамской войны. Киссинджер пытается осмыслить развитие современного государства и современного мирового порядка. И здесь он опирается не только на опыт, но пытается предложить и свой подход к развитию современного мира и мирового порядка.

Киссинджер при этом уделяет много внимания развитию Российской Империи, роли России в развитии мировой политики.

И это для нас одна из привлекательных сторон книги Киссинджера. Он показывает, что помимо обширного государственного опыта, он очень активно изучает историю современного мира. Здесь у него есть очень интересные, свежие и не всегда принятые в современном мире представления о развитии мирового порядка.

Начиная разговор об истории мирового порядка, Киссинджер утверждает, что Россия играла уникальную роль в международных делах как уравновешивающий баланс сил в Европе и Азии, который помогал развитию эквилибриума международного порядка только отдельными шагами. Россия, утверждает Киссинджер, вела больше войн, чем любая другая мировая держава, но она также сумела преодолеть возможность собственного доминирования. Здесь Киссинджер начинает с Петра Первого, с его войны с Карлом XII, а затем переходит к Наполеону и к Гитлеру, когда ключевые элементы баланса мирового развития были в центре динамики развития. Он видит особый ритм в развитии мирового государства через века в движении человечества, преодолевающего климатические трудности, создании цивилизаций, прерываемое иногда на некоторое время необходимостью привести эти структуры к нужным масштабам развития. От Петра Великого до Владимира Путина обстановка менялась, но ритм оставался чрезвычайно последовательным. Европейцы вышли из потрясений наполеоновских времен со страхом к восприятию страны, чья военная сила возобладала над всем европейским континентом.

Россия, утверждает Киссинджер, опираясь на слова маркиза де Кюстина, высказанные в 1843 г., с точки зрения перспектив Франции и Европы, трансформированных российской державой, – это был тот необходимый гибрид жизненных сил в сердце Европы. Чудовищной силы борьба между этикетом византийской империи и дикими ценностями Азии – все это привело к созданию могучего государства, которое узнала Европа, и влияние которого будет

ощущаться долго и впоследствии. Но, к сожалению, не всегда можно понять, как надо действовать. Вся Россия – ее абсолютизм, ее размер, ее глобальные амбиции и беспокойство – стоит как вызов традиционной Европе, вызов концепциям международного порядка, основанного на эквилибриуме сдержанности.

Оценка позиции России в Европе носит противоречивый характер. Империя Карла Великого развалилась в IX веке, превратившись в то, что стало с современными нациями – Францией и Германией. Славянские племена на протяжении тысяч километров на восток объединились в конфедерацию, базирующуюся в городе Киеве – столице и географическом центре государства нынешней Украины, хотя воспринимаются почти универсально русскими одновременно как неотъемлемая часть их собственной Родины. Продолжая эту линию, Киссинджер говорит, что страна руссов стояла как перекресток цивилизаций и торговых путей: викинги проживали на севере, расширялась арабская империя на юге, тюркские племена нападали с востока, Россия постоянно находилась в борьбе с соблазнами и страхами. Слишком далеко на восток растянулась Римская Империя, хотя цари, утверждал Цезарь, как и политические предшественники христиан, смотрели на православную церковь в Константинополе как на Рим в качестве духовного авторитета. А Россия была близка к Европе и разделяла совместные культурные ценности, но постоянно выпадала из фазы исторических трендов континента.

Опыт сделал Россию уникальной евразийской силой, простирающейся через два континента, но никогда не останавливающейся в определенном месте, не присоединяясь ни к одному из двух.

Монгольское вторжение XIII в. политически разделило Россию и изуродовало Киев. Два с половиной века монгольского господства, последующая борьба с его стороны, базирующаяся на московском княжестве, привила России восточную ориентацию так же, как Западная Европа осваивала новые технологические и интеллектуальные пространства, которые создавали современную эпоху во время эры морских открытий. Россия трудилась, стремясь подняться как независимая нация, с тем, чтобы ответить на угрозы, поступающие со всех сторон. Когда протестантская Реформация принесла этические и религиозные догмы, Россия перешла из-под давления европейского религиозного центра под контроль Восточной Римской империи. После вторжения мусульман в 1453 г. почти при мистическом убеждении, что русский царь теперь в центре событий, монах Филофей в письме к Ивану III около 1500 года писал: «К

единственному императору всех христиан в мире обращаюсь с мессионистским призывом восстановить павшую Византийскую империю в качестве центра христианства». Европа хотела объединить многополюсность механизм, ведущий к балансу, но Россия училась чувству геополитики у строгой школы степей, где орды кочевников боролись за ресурсы на открытой территории с несколькими восстановившимися границами. Их нападения и грабежи, порабощение иностранных граждан были регулярными и стали образом жизни. Независимость была связана с территорией, Россия утвердила себя как часть западной культуры, но по мере того, как она расширялась в размерах стала видеть себя как осажденный форпост цивилизаций, для которого безопасность могла быть достигнута через использование абсолютной силы против своих соседей.

**Вестфальская концепция порядка**

Европейские государственные деятели связывали безопасность с балансом сил и со сдерживанием их использования. Россия не смогла доминировать над окружением и в этом смысле оказалась жертвой монгольских нападений и грабежей во времена перемен. Период 15-летней междоусобной войны до основания династии Романовых в 1613 г. привел к нашествию в гражданской войне и голоду и поглотил треть населения России.

Вестфальский мир видел международный порядок как сложный баланс механизмов. Россия расширяла свою территорию на каждой фазе до абсолютного конца своих материальных ресурсов. Так, когда Россию попросили определить свою внешнюю политику, министр царя Алексея в середине XVII века Нащокин предложил: «Расширять государство в каждом направлении – это задача Департамента иностранных дел». Этот процесс сроднился с национальным взглядом. Роль московского княжества в евразийском пространстве – оно стало в конце концов самой большой территориальной империей.

Американский литератор Генри Адамс так определил позицию русского посла в Вашингтоне в 1903 г. (к этому времени Россия уже достигла Кореи): его политическая философия, как у всех русских, казалось, была зафиксирована на одной идее, что Россия должна двигаться, должна неотразимой инерцией крушить все, что встает у нее на пути. Когда Россия нападала на соседний народ, она вбирала его энергию в свои собственные движения, привычки, которые ни царь, ни крестьяне не могли конвертировать или хотели бы конвертировать в великий западный эквивалент.

Не имея естественных границ за исключением Северного Ледовитого и Тихого океанов, Россия была в состоянии использовать этот импульс в течение веков, шагая последовательно в Центральную Азию, потом на Кавказ, потом в Восточную Европу, Скандинавию, потом в Балтийское море, потом к Тихому океану, к границам с Китаем и Японией. И в какое-то время в XVIII–XIX вв. она пересекла даже Тихий океан – на Аляске и в Калифорнии, создав там поселения. Она расширялась каждый год на размер территории больше, чем территории многих европейских государств в период с 1552 по 1917 г. на 100 кв. км ежегодно. Когда Россия была сильной, она вела себя, доминируя как сверхдержава, и настаивала на проявлении формального признания для защиты своего статуса. Когда она была слаба, она маскировала свою уязвимость через обращение к огромному внутреннему резерву силы. В каждом случае это был особый вызов западным столицам, который использовался в более мягком стиле. В то же время российские устрашающие достижения и экспансии происходили от демографических и экономических условий, которые по западным стандартам не менялись. Многие регионы едва были заселены и казались нетронутыми современной культурой и технологиями. Таким образом, завоевывающий территорию империалист соединился с парадоксальным чувством уязвимости, как будто маршировал на полпути через мир, имея большой потенциал перед врагом через дополнительную безопасность. Царская империя расширялась, потому что было легче идти, чем остановиться. В этом контексте отчетливо была выдвинута русская концепция политической легитимности. В то время как европейский Ренессанс заново открыл классические гуманистические ценности прошлого и изысканные новые концепции индивидуализма и свободы, Россия искала возрождение своей неиспорченной веры и соответствие единой высшей несанкционированной свыше власти во всех направлениях. Царь, как живая икона Бога, чья власть и чьи приказы были непоколебимы и внутренне справедливы. Обычная христианская вера и элитарность за счет языка (французский) подчеркивали общность перспектив с Западом, но ранние европейские посетители царской России обнаружили, что эта страна почти сюрреалистических крайностей, и думали, что они видели за этим современную западную монархию: деспотизм, построенный на монгольских и татарских принципах, но европейская дисциплина способствовала стиранию следов Азии.

**Петр Великий**

Россия присоединилась к современной европейской государственности при Петре Великом способом, не похожим на другие общества. Петр родился в 1672 г., по существу, в средневековой России. К тому времени Западная Европа развивалась в условиях открытий Ренессанса и Реформации. Гигантский – 6 футов 8 дюймов – рост Петра I, энергичная фигура молодого царя явилась, чтобы трансформировать империю, которая сочетала крайности многих российских черт и устремлений.

Петр силой трансформировал российское общество и включил свою империю в первый ряд западных великих держав. Но сложности трансформации оставили Россию в положении необеспеченного парвеню. Ни одна другая империя не позволила бы абсолютному правителю чувствовать себя так, как наследница Петра Екатерина Великая чувствовала себя спустя полвека, что «Россия – это европейское государство». Это ясно демонстрирует следующее: «Российские реформы неизменно проводились автократично на фоне населения, стремящегося преодолеть свое прошлое скорее, чем верили в будущее». Тем не менее наследники реформ и революций, когда закончился век Екатерины, ее подданные и потомки восхищались Петром не смотря на то, что он безжалостно погонял их при наличии достижений, которые они показали (по современным данным Сталин тоже приобрел некоторое признание в современном российском мышлении).

Екатерина Великая – российская автократическая реформистка, управлявшая с 1762 по 1796 г., – умножила культурные достижения и территориальное расширение, включив в состав России Крымское ханство и завоевав Запорожскую Сечь, автономный казацкий регион, который находится сегодня в центре Украины, при этом оправдывая аристократию как единственную систему управления, которая может поддерживать такую гигантскую территорию.

Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. завершилась Вестфальским миром, в котором политические и религиозные противоречия учитывались и определили необходимость внимательного к ним отношения. И этот Вестфальский порядок в основе своей имел государство, нации. Он явился, по Киссинджеру, завершением конфликтов и политической борьбы, связанной с 30-летним противостоянием стран Центральной Европы. И Киссинджер полагает, что Вестфальский мир отражал практическое принятие реальности, а не единую моральную позицию. Он опирался на систему независимых госу-

дарств, уклоняющихся от вмешательства в дела каждого, и проверяя амбиции друг друга через общий эквилибриум силы. Призывы о правде и универсальном правлении были приняты в ходе переговоров о Вестфальском мире. Не было единого понимания правды и универсального правила, которое превалировало бы в европейских столкновениях. Вместо этого каждое государство получило свою суверенную власть на своей территории. Каждое из них признавало свои домашние, местные структуры и религиозные порядки других государств, входивших в эту систему, и воспринимало их как реальности, воздерживаясь от выражения сомнений в существовании таких реальностей, какие были связаны с национальными интересами. Каждое государство получало суверенную власть на своей территории, каждое признавало соседние государства как реальность и воздерживалось от нападок на них.

Разделение и множественность как часть европейской истории стало признаком новой системы международного порядка с его собственными философскими позициями. В этом смысле европейская попытка завершить конфигурацию, образованную современными представлениями, стала общепризнанной. И переговорщики с XVII в., заключая Вестфальский мир, не думали, что они закладывали фундамент глобально применимой системы. Они не делали никакой попытки включить в эту систему Россию, которая консолидировалась, развивалась по своему собственному разумению после кошмарного «смутного времени».

Идея мирового порядка применялась в географических пределах известных государственных деятелей того времени. Порядок этот был потом принят в других регионах.

Россия после Тридцатилетней войны еще не стала, по мнению Киссинджера, частью европейского порядка. Но дальнейшее развитие Европы и того, что стало потом называться, как называется и книга Киссинджера, «мировым порядком», происходило уже при участии России. Но здесь очень важны те изменения, которые произошли после заключения Вестфальского мира, именно такими моментами, которые несли новые начала европейского сообщества и для входящей в него России. И хотя Россия рассматривалась как авторитарная, а то, что на Западе рассматривалось как арбитражный авторитаризм, был представлен в России как элемент необходимости условия для функционирования управления. Царь, подобно китайскому императору, был абсолютным правителем, носителем традиций, мистических сил и надзирающим над

территорией континентального пространства. И вместе с тем позиция царя отличалась от китайского образца одним важным аспектом. В китайском варианте император правил в прозрачном стиле. Российский же взгляд усматривал лидерство руководства царя, его управления как нечто непререкаемое, как признак его способности навязать свою волю, не подвергаемую сомнению. Царь мог навязать наблюдателям российского государства доказательства подавляющей огромной силы. Китайский император представлялся как воплощение превосходства китайской цивилизации, вдохновляя другие народы трансформироваться. Царь рассматривался как воплощение защиты России против врагов, окружающих ее со всех сторон. Таким образом, в то время как императоры восхвалялись за их беспристрастность и отвлеченное стремление к установлению порядка, в России, как подчеркивал историк Николай Карамзин в XIX веке, признак царской строгости виделся в выполнении его истинного призвания: «В России суверен – это живой закон (Бог на земле). Он поощряет все хорошее и наказывает все плохое. Мягкое сердце у монарха становится его достоинством только тогда, когда оно соразмерено с чувством ответственности и разумной строгости».

По мнению Киссинджера, Россия в своем собственном движении на Запад оправдывала свои завоевания духовностью, она распространяла порядок и просвещение язычникам в странах, где еще не было христианства (Киссинджер замечает, что частью полезной деятельности России являлась торговаля мехами и минералами). Это похоже на то, что делали США, но американский взгляд вдохновлялся безграничным оптимизмом, в то время как российский опыт базировался на стоической выносливости. Разбросанная на просторах двух огромных и непримиримых миров Россия видела себя носителем особой миссии наведения мостов со всеми, выявив со всех сторон угрожающие силы, которые не могли понять ее призвание. Великий русский романист Федор Достоевский говорил: «Ведь это бесконечное ожидание, которое всегда было присуще русскому народу, – стремление к великой единой церкви на земле».

Экзальтация по поводу России охватывающего весь мир синтеза цивилизаций, вызывала соответствующее отчаяние относительно российского статуса (по словам влиятельного критика XIX в. «сирота, оторванный от человеческой семьи...»), для собственного народа мы должны были укрепиться на территории от пролива Беринга до Одера.

Убеждение, которое содержалось в экспансивной думающей русской душе, тоскующей (так русские мыслители стали называть «русскую душу») и мечтающей, что когда-то вся огромная Россия со своими противоречиями придет к расцвету. Этот путь будет вознагражден, его достижения будут прославлены, и Запад придет в страх и восхищение. Россия соединит силу и громаду Востока с утонченностью Запада, а Москва – третий Рим – будет наследницей падшей Византийской империи с царем, наследником цезарей Восточного Рима, организаторов церкви и ее заветов, которые установили ту самую христианскую веру, которая будет играть решающую роль в новой эпохе глобальной справедливости и братства. Но такая Россия не совсем соответствовала европейским ожиданиям. Россия привлекла Наполеона своими размерами и мистикой, и в этом была его погибель, как это было с Гитлером через полтора столетия спустя.

Русский народ, закаленный подвигами терпения и выдержки, доказал свою способность переживать более глубокие страдания, чем великая армия Наполеона (или легионы Гитлера). Русские сожгли четыре пятых Москвы, чтобы лишить Наполеона возможности завоеваний, а его войска поддержки. Наполеон в своей эпической стратегии был обречен, когда он воскликнул: «Что за народ – они скифы! Какая решительность! Варвары!» Это массивная автократическая держава нависла над Европой, которая пыталась понять ее амбиции и методы действия. Ко времени Венского конгресса Россия была самой мощной державой на континенте.

Царь Александр I на Венской конференции был, бесспорно, самым абсолютным правителем. Человек глубоких, хотя и меняющихся убеждений, он обновил свои религиозные верования с помощью интенсивного чтения Библии и духовных советов православных наставников. Он был убежден, как и писал в 1812 г., что триумф над Наполеоном принес новый и гармоничный мир, базирующийся на религиозных принципах. И он заявил: «Это благодаря делу служения истинному царству Иисуса Христа, которому я посвятил всю мою земную славу». Представляя себя как инструмент высшей воли, Царь прибыл в Вену в 1814 г. с планом нового мирового порядка во многом более радикальным, чем план Наполеона в своей универсальности: священный союз князей и царей превращал национальные интересы в общий поиск мира и справедливости, предваряя баланс сил для христианских принципов братства. Как Александр сказал Шатобриану, французскому роя-

листу, интеллектуалу и дипломату, «больше не существует французской, австрийской, прусской политики. Существует только одна общая политика, которая должна быть принята на благо всех всеми народами и государствами». Это, утверждает Киссинджер, предшествовало американской вильсоновской концепции мирового порядка, хотя и основанной на принципах противоположных вильсоновскому ви́дению.

Нет нужды говорить, что этот замысел победившей военной силы, покорившей континент, стал вызовом европейской концепции Вестфальского эквилибриума суверенных государств. С позиций этого нового статуса легитимности Россия выбрала концепцию власти. Царь Александр закончил наполеоновские войны маршем на Париж во главе своих армий и праздновал победу, которую он прославлял на беспрецедентном параде 160 тысяч русских войск на просторах французской столицы – демонстрация, которая могла обеспокоить даже союзные нации.

После консультаций со своим духовником Александр предложил проект соглашения. Победные суверены выразили свое согласие в том, что курс должен быть фундаментально изменен. Было важно заменить его порядком вещей, основанным на экзальтированной правде и вечной религии нашего спасителя.

Задача переговоров в Вене – перенести мессианское ви́дение Александра приветствовать Россию в международном порядке не без того, чтобы это объятие не разрушило его.

Государственные деятели, собравшиеся в Вене, чтобы обсудить план мирного порядка, прошли через бурную ситуацию, переворачивающую почти каждую установившуюся авторитетную структуру в течение двадцати пяти лет, увидели рациональность Просвещения, замененную страстями Царства Террора. Мессианский дух Французской революции трансформировался в дисциплину победы империи Бонапарта. Французская держава в своем развитии перешла через древние французские границы, завоевав почти весь европейский континент только для того, чтобы быть почти уничтоженной величием России.

Французский посол на Венском конгрессе представлял своей персоной метафору эры безграничных потрясений. Шарль Морис де Талейран-Перигор был непоколебим. Он начал свою карьеру как епископ, но ушел из церкви, чтобы поддержать революцию, бросил революцию, чтобы служить Наполеону, бросил Наполеона, чтобы участвовать в разговорах о французской Реставрации и появился в

Вене как представитель Людовика XVIII. Многие называли Талейрана оппортунистом. Он сказал бы в свою защиту, что его цель – стабильность внутри Франции и мир в Европе. Он действительно стремился занять позицию изучения власти и легитимности будучи очень близок к верхам, но не сдерживаемый ничем. Только мощная личность могла поставить себя в центр таких великих и противоречивых событий. В Вене Талейран добился для Франции мира, который сохранил древние границы, существовавшие до того, как Франция начала свои иностранные авантюры. В 1818 г. он управлял вступлением Франции в четверное содружество. Поверженный враг стал союзником в сохранении европейского порядка в союзе, который первоначально был создан, чтобы сдерживать его. Прецедент, который повторился в конце Второй мировой войны, когда Германия была принята в Атлантическое содружество.

Порядок, установленный Венским конгрессом, приблизил Европу к универсальности в управлении после упадка империи Карла Великого. Это консенсус, когда мирная революция внутри существующего порядка была предпочтительнее альтернатив, которые сохраняли систему и были более важными. Такие расхождения могли быть решены с помощью консультаций, а не с помощью войны. После Второй мировой войны это ви́дение стало модным и использовалось для атак и нападок на Венский конгресс как чересчур построенный на балансе власти, который по внутренней динамике циничных маневров привел мир к войне. Но вот что было правдой, так это то, что десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне – между концом века и 1915 г. – когда Европа переживала наиболее мирный период, и десятилетия, которые последовали за Венским конгрессом, характеризовались исключительным балансом между легитимностью и властью.

Государственные деятели, которые собрались в Вене в 1814 г., были в радикально отличной ситуации от своих предшественников, которые подписали Вестфальский договор. За полтора века до этого произошла серия различных войн, которые вошли в Тридцатилетнюю войну и были объединены набором принципов для общего видения внешней политики.

Европейский порядок, который образовался, принял за точку отсчета этические данные, которые существовали теперь, отделенные от их религиозных принципов. Применение Вестфальских принципов было тогда ожидаемо, чтобы произвести баланс сил для предотвращения конфликтов. В течение следующего века эта систе-

ма смогла сдерживать вызовы эквилибриуму через более-менее спонтанные объединения противоборствующих сил. Переговоры в Венском конгрессе видели крушение этого порядка. Баланс сил был не в состоянии остановить военный напор. Революция, Наполеон, династическое легитимное правительство было побеждено наполеоновской силой и искусным генеральством. Новый баланс сил, который возник на обломках государственной системы Великой Римской империи, чьи остатки Наполеон разбросал в 1806 г., привели к институциональному развитию. И среди течений национализма, проистекавшего из оккупации большинства континента французской армией, этот баланс был способен предотвратить расширение французского экспансионизма, который привел к гегемонии Франции в Европе так же, как продвижение России к подобной опасности с востока. Таким образом, центральноевропейский баланс был реконструирован. Габсбурги, когда-то доминировавшая династия континента, правили на территориях, принадлежащих этой семье из Вены. Это были большие и многоязыкие страны – сегодняшняя Австрия, Хорватия, Словения и Польша. А теперь неопределенное политическое содружество, которое стало неопределенным политическим союзом. Несколько немецких государств были подавлены наполеоновскими завоеваниями, их территория была перераспределена в манере нового эквилибриума.

Дипломатия после Венского конгресса фундаментально отличается от практики XX в. Современные дипломаты действуют в непосредственном контакте и реальном времени. Они получают детальные инструкции и тексты своих выступлений и реже опираются на основы стратегии. Дипломаты в Вене были далеки от своих столиц.

Кому принадлежит ответственная роль в революции мирового порядка в XXI в.? США должны быть готовы ответить сами себе на ряд вопросов. Что мы хотим предотвратить? И будем ли это делать в одиночестве? Чего хотим достигнуть, если нет поддержки многостороннего усилия? Эти цели определили минимум объектов национальной стратегии. Чем мы не должны заниматься, даже если к этому стремится многосторонняя группа или союз? Это определило границы американского участия в мировом порядке. В конце концов, что такое природа ценностей, которые мы хотим продвигать? Эти вопросы относятся к другим обществам. Для Соединенных Штатов стремление к северному порядку функционирует на двух уровнях: принятие универсальных принципов для признания

реальности и истории других регионов и культур, а также уроки вызовов десятилетий, которые мы рассматриваем вследствие утверждения американской исключительной природы должны быть.

История не предлагает рецепта для стран, которые откладывают в сторону обязательства или чувства идентичности в пользу кажущегося более важным курса. Америка как современная страна, решающая вопросы формирования мира в условиях стремления человечества к свободе и предлагающая необходимую геополитическую силу для защиты человеческих ценностей, должна сохранить их смысловое направление. Целенаправленная роль Америки будет философски и геополитически важна. Мировой порядок не может быть достигнут одной страной в одиночестве. Осмысленная американская роль будет философским и геополитическим императивом. Необходимо обрести вторую культуру, которая глобальна, структурална и легальна юридически. Концепция порядка, которая проходит через перспективы и идеалы любого отдельного региона или нации. В этом легализация Вестфальской системы на основе информации современных реальностей. Возможно ли перенести разные культуры в общую систему? Вестфальская система построена 200 делегатами, сто из которых вошли в анналы истории как значительные деятели. Они столкнулись с препятствиями, потому что они разделяли разрушительный опыт Тридцатилетней войны. И они были твердо устремлены предотвратить ее повторение. В наше время сталкиваются с более серьезными перспективами. Необходимо действовать по потребностям, которые выдвинуты сегодня.

Российская Академия наук на общем собрании осенью 2016 г. избрала Генри Киссинджера иностранным членом Академии.

Поступила в редакцию
15.09.2016